

Частная собственность — что это?

(Новое понимание)

Эта статья Вадима Белоцерковского, экономического обозревателя радио «Свобода», кандидата экономических наук, предоставлена нашей газете комитетом по управлению имуществом АО «ММК». Материал содержит исключительно интересные положения для акционеров нашего комбината, испытывающих дефицит информации о сегодняшнем сложном процессе приватизации.

Написать эту статью побудила меня политика российских властей в области приватизации, направленная, на мой взгляд, не к приватизации и рыночной экономике, а к передаче номенклатуре прав собственности на большую и важнейшую часть хозяйства страны; к тому, чтобы номенклатура стала коллективным владельцем всего того, чем раньше распорядилась от имени народа.

В своих рассуждениях и построениях я опираюсь на практику функционирования групповых предприятий на Западе, принадлежащих трудовым коллективам и реализующих новое понимание частной собственности, о которой пойдет речь в статье. В США существует сейчас уже около 11 тысяч таких предприятий различного профиля и величины, на которых занято более 10 процентов работающего населения, и число это увеличивается на 10 процентов ежегодно. Кроме больших заработков такие предприятия и учреждения имеют в среднем в два раза более высокие темпы роста производительности труда, на 50 процентов выше прибыльность и создают в три раза больше новых рабочих мест по сравнению с сопоставимыми частными предприятиями.

Небольшое число подобных предприятий успело сформироваться и узаконить себя и в России до принятия закона о приватизации. Они также работают, по мнению, например, обследовавших их американских специалистов, лучше сопоставимых с ними государственных предприятий.

Реактивное мышление.

Так я называю мышление, идущее по принципу отталкивания в противоположную крайность от всего, что раньше признавалось за истину, искренно или поневоле. Человек извергает из себя свое старое содержание и движется в противоположную сторону. Одно из ярких проявлений такого мышления — обсуждение вопроса о частной собственности российской общественностью. Значительная часть нынешней российской интеллигенции буквально поклоняется частной собственности, молится на нее, считает либо вообще высшей ценностью, либо главным условием возрождения всего и вся, от экономики до нравственности. Причем, так считают даже люди, которые сочувственно относятся к идее передачи госпредприятий и учреждений в групповую собственность трудовым коллективам. Так, член-корр. РАН Сергей Алексеев кладет принцип частной собственности в основу проекта консти-

туции, разработанного им вместе с А. Собчаком и другими.

«Пока не восторжествует принцип частной собственности, — вторит ему Юрий Афанасьев, — Россия свое прошлое преодолеть не сможет. Она так и будет торчать в российском традиционализме, в российских архаизмах». (Интервью для Радио Свобода).

«Понадобились годы и десятилетия, — пишет Гавриил Попов, — чтобы мы поняли, что только возврат к частной собственности может возродить человека как личность, вырвать его из пут безнравственности, и вернуть Россию, всех нас на столбовую дорожку мировой цивилизации.» («Известия» 19-20.05.92 г.)

А то, что понятие частной собственности также подвержено развитию, как и все на свете, не принимается во внимание, как и то, что не существует в мире «единой столбовой дорожки». (Жить не можем без «единственно верного!») Но мы об этом будем говорить дальше, это главный предмет статьи. Сейчас же скажу несколько слов по поводу самой этой апологетики.

«Только возврат к частной собственности сможет возродить человека как личность, вырвать из пут безнравственности...». Непостижимо, как может образованный человек говорить подобное. Разве частная собственность не лежала в основе всех предыдущих формаций общества от рабовладения до капитализма? И какая экономика господствовала в нацистских и фашистских странах, не частнособственническая ли?

Или возьмем еще ближе. Может быть, такое возрождение наблюдается автором этого словословия в кругу молодых российских капиталистов и соприкасающихся с ними госслужащих?

На Западе, в Германии моя жена недавно столкнулась по службе со здешними капиталистами. И ужаснулась: «Они же ни о чем другом не говорят и не думают, как только о деньгах и богатстве, каждую вещь в своем доме, и произведения искусства, характеризуют только их стоимостью, и каждого человека из своего окружения — его богатством. Богатство считают про себя высшим достоинством, презирают все другие критерии. Служение деньгам превращает человека просто в животное». Все это, конечно, старо как мир, но вновь собственными глазами убедиться в непреложности этого положения никогда не лишне!

А прославление российской интеллигенции единоличного сельского хозяйства, фермерства!

Мы опять же на Западе часто отдыхаем в крестьянских домах. Да, конечно, живут крестьяне там относительно богато, но сколько «но!» Не могут обходиться без государственного субсидирования цен на их продукцию и без содержания комнат для туристов, а главное, работают с утра до ночи, почти без выходных и отпусков: нечем заменить, скотина каждый день требует ухода, хозяйство — рук. И тамошние крестьяне завидуют колхозникам! Да, конечно, низкая эффективность, но рабочий-то день нормирован, и отпуска есть, и болеть могут! — Неужели все это трудно понять? Самим нам хочется и с друзьями общаться, и с искусством, хорошо отдыхать, путешествовать и т. д., а для крестьян на пороге XXI века ничего этого не нужно? Главное, чтобы они нас сытно кормили? Бог ты мой, о каких вещах приходится говорить с соплеменниками Тургенева и Чехова! И часто еще следует «сокрушительный» вопрос (со снисходительной и саркастической усмешкой): «А почему же тогда крестьяне на Западе не объединяются в колхозы?» Во многих странах такие объединения — в производственные кооперативы. Назову Скандинавию, Италию, Израиль («Мошавы», «Кибуцы» — это другое: коммуны). Франция до недавнего времени импортировала продукцию сельского хозяйства, после же того, как ее юг покрывала сетью производственных кооперативов, стала экспортером. Возросла производительность, особенно, трудоемких культур. От взаимопомощи производительность еще нигде не уменьшалась! И в России с ее-то землями, изнашиваемыми сталинским крепостничеством, да при дефиците мужских рук на селе, да когда крестьяне деревнями живут и сохраняют в подсознании общинные традиции — проповедовать фермерство как панацею надо большое упоминание иметь!

А единоличный труд в сфере обслуживания и торговли намного ли лучше, не такая же категория? Конечно, кто хочет индивидуально трудиться (уродовать и обкрадывать свою жизнь), должен иметь для этого все права и возможности. Но воспевать такой труд? Сестра моей жены вышла в Германии замуж, за повара, и они взяли в аренду маленькую пивную. Грустно смотреть, как они живут, и что делает с ними такая жизнь.

Но перейдем к главному пункту:

Что считать частной собственностью?

При рабовладении частной собственностью считалась, как известно, и земля, и орудия труда и продукция на них получаемая, и люди ее получающие, рабы. При феодализме люди, крестьяне и ремесленники уже не могли быть полной частной собственностью, но продукты их труда, орудия труда, земля — составляли частную собственность феодала. При капитализме и госсоциализме (при Сталине был скорее госфеодализм) работники становятся уже свободными продавцами своего труда, но орудия труда остаются наследственной частной собственностью их владельцев, капиталиста или государства, и его собственностью остаются продукты труда, выработанные на его средствах производства. Марксизм тут уже увидел что-то неладное и заговорил об «отчуждении», но реактивно мысля, выход видел в обобществлении всех средств и продуктов производства, что иначе не может реализоваться как государственно-чиновной собственностью. И лишь в конце эпохи госсоциализма стало прорисовываться новое понимание собственности в теории и на практике. Например, Папа Иоанн Павел II в энциклике «Занимаясь трудом...» пишет: «Самим актом своего труда человек становится господином на своем рабочем месте, хозяином трудового процесса, хозяином продуктов своего труда и их распределения». И на этом принципе на Западе уже живут многочисленные предприятия и учреждения, принадлежащих трудовым коллективам.

Надо отдавать себе отчет при этом, что упомянутый тезис появился на свет не из одной только головы Папы Римского. Он имеет большой штат высококачественных советников, и побудило их всех к провозглашению революционного тезиса, очевидно, изучение тенденций развития человечества. Они решили поставить в основу энциклики ту тенденцию, за которой, по их мнению, будущее, чтобы не плестись в хвосте развития.

Итак, новое понимание частной собственности можно сформулировать следующим образом. Частной собственностью человека является продукция его труда, (или выручка за нее, или его доля в продукции трудового коллектива) независимо от того, на каких средствах производства, своих или чужих, продукция выработана.

Вот когда окончательно обрывается рабство! У свободного человека никто не имеет права отбирать продукт его труда! Такое понимание частной собственности можно назвать, если угодно, правовым.

Интересно, что в законодательстве о хозрасчете 87 года горбачевские власти вынуждены были по логике вещей и права частично признать и ввести такой правовой подход, зафиксировав в законе, что средства производства, приобретенные предприятием во время хозрасчетного периода за счет его прибыли, становятся собственностью трудового коллектива. За

этим стоит признание, что продукты хозрасчетного труда коллектива и средства за них вырученные — собственность коллектива. Отсюда оставался только один шаг: признать, что и всегда продукты труда первоначально являются собственностью их производителей и поэтому имущество, средства производства, приобретаемые предприятиями до и вне хозрасчета тоже являются собственностью их трудовых коллективов. Иными словами, что госпредприятие не частная корова, теленок от которой тоже принадлежит государству!

Но после «победы демократии» в августе 91-го новые правители проигнорировали закон о хозрасчете и не признали основные фонды, приобретенные трудовыми коллективами за хозрасчетный период, их собственностью, пустили и это имущество под нож акционирования, как государственное имущество. Союз Трудовых коллективов, преданный союзник ельцинских властей, протестовал против этого, но власти и бровью не повели.

Следствия и выводы

Введение правового понимания частной собственности влечет за собой создание нового строя жизни, экономики и демократии, отличающихся принципиально и от капиталистических, и от госсоциалистических форм, ведет к созданию синтетного по отношению к ним уклада, или конвергентного, по терминологии академика Сахарова.

Если человек трудится на чужих средствах производства, он, очевидно, обязан чем-то их хозяину, должен как-то с ним договориться. Либо, скажем, платить арендную и амортизационную плату, либо договориться выкупать средства производства в рассрочку. Но продукция в любом случае — собственность ее производителя. Он может сам ею распорядиться, продавать ее сам, или в содружестве с коллегами по работе, или поручить реализовать ее за дополнительный процент хозяину средств производства. И сумма заработка, которую получит здесь в конечном счете работник, будет, разумеется, отличаться в большую сторону от платы за наемный труд.

По-настоящему свободный человек в по-настоящему правовом государстве не должен продавать свой труд, а должен покупать или арендовать средства производства. И не должно быть, следовательно, в таком государстве рынка труда, а должен быть рынок средств производства. Исключение — в отраслях, не подлежащих приватизации: энергетика, связь, железнодорожный транспорт, образование, госслужба.

Но при правовом подходе существует принципиальное различие между частными и государственными средствами производства. Последние созданы на деньги налогоплательщиков и потому не могут быть частной, наследственной собственностью государства. Общество фактически вкладчину собирает деньги на создание средств производства для своего молодого поколения и не имеющих работы сограждан, и не вправе, и не в интересе общества их закабалить и эксплуатировать, превращая в наемных работников под началом госчиновников. Общество должно передавать вновь созданные средства производства в аренду с выкупом новым трудовым коллективам. Иначе говоря, государство имеет право забирать (сверх налога) часть продукции работников предприятия, учреждения (их частную собственность) в оплату расходов на создание предприятия до тех пор, пока эти расходы не будут покрыты.

Кому после этого будет принадлежать предприятие, учреждение? Если вы выплачиваете стоимость какого-либо товара, то вы и становитесь его владельцем, не так ли? Но чем ваши деньги (ваша частная собственность) лучше денег, выручаемых за продукцию трудовых коллективов? Следовательно, с момента возмещения затрат на создание предприятия/учреждения оно должно становиться групповой собственностью трудового коллектива. На прибыль государство также не вправе рассчитывать, создавая предприятия на средства общества и, собирая налоги с предприятий. Стоимость предприятия должна определяться по балансовым документам, без какой-либо рыночной оценки, искусственной в постсоциалистических условиях и открывающей путь для наживы чиновников.

Как можно определить, оплачено ли и насколько предприятие/учреждение? (Если еще не оплачено, то коллектив должен продолжать выплату на обговоренных условиях). Ввиду того, что в постсоциалистических условиях нельзя учитывать суммы отчисленных в казну доходов, т. е. их величина и вообще наличие не зависит от работы коллектива, то определение доли оплачиваемых затрат можно и должно производить сугубо приблизительно, исходя, например, из средней нормы эксплуатации, т. е. доли заработной платы в валовом национальном продукте. Эта доля в России до сих пор не превышает 20 процентов ВВП. Значит, если предприятие существует, скажем, три года, и за это время коллективу выплачено 2 миллиона рублей, то на оплату затрат на создание предприятия пошло, можно считать, 8 миллионов рублей.

Исходя из правового определения частной собственности, государство не может оплачивать коллективам предприятия/учреждения